

Петров Михаил Александрович

канд. филос. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

г. Красноярск, Красноярский край

DOI 10.31483/r-103234

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: в условиях современного информационного общества или общества-знания проблема соотношения рационального и иррационального в понимании самой сущности профессионального образования приобретает особую теоретическую и практическую значимость. Автор считает, что без сопоставления рационального с иррациональным невозможно прийти к истинному пониманию проблем профессионального образования. В частности, автор противопоставляет профессионализм, в коем, по его мнению, наличествует тайна бытия личности, – ремесленничеству как массовому тиражированию индивидов в условиях виртуализации современного образовательного пространства. Образование – соборно, констатируется в статье, то есть онтологично и в светском, и конфессиональных смыслах. Оно может быть только субъект-субъектным, ибо должно учитывать общечеловеческое, межэтническое «Я». Образовательный процесс, таким образом, глубоко личностен и возможен только как свободный процесс. Именно такого рода «классическое» образование способно разграничить степень профессионализма от ремесленничества.

Ключевые слова: рациональное, иррациональное, личность, субъект, социализация, образование, профессионализм.

Что сегодня мы ждем от образовательных учреждений? Вероятно, профессионально образованных не просто людей (чело-веков), а хорошо воспитанных, подготовленных для полноценной жизни в обществе граждан. На низшей ступени образования мы, как правило, ориентированы на успешных и послушных («удобных») воспитанников, зачастую удовлетворяющих корыстные

родительско-учительские амбиции. В результате, в течение данного «отрезка» времени в образовании, ребенок-ученик, не проживает свою собственную жизнь. За него ее «проживают» родители и даже учителя, может быть прожившие не совсем удачно свою собственную жизнь, но теперь точно знающие как должна протекать жизнь их любимого чада.

Такие патологические отношения – «родитель – ребенок» и «учитель – ученик» характерны и для более высокой ступени профессионального образования. Например, научный руководитель будет держать своего аспиранта строго и на коротком поводке, чтобы не смел выше или дальше «прыгать» своего руководителя. Он ведь, как руководитель, – безгрешен, что называется. Не допускал ошибок и наивностей в своем исследовании, а результаты его исследования (тоже под чьим-то руководством) не устаревают. Вот и делается все и вся по образу и подобию безгрешного человека-руководителя в лице какого-либо профессора-академика. В результате, после таких исследований, требуются еще и еще какие-то инновации. Все очень странно в нашем профессиональном образовании. Диссертации защищаются одна за другой, «делаются» масса новых исследований, после которых, заметим, еще требуются какие-то инновации. Буквально по поговорке: «как белка в колесе...». «Общее у всех этих «новаций» все-таки есть: все они (без исключения) отдаляют учащегося от учителя, ограничивают возможности их полноценного общения, сводя его к тем или другим формальностям, – говорит профессор Е. Белозерцев. – Подлинный образовательный процесс подменяется «дрессурой» или «натаскиванием»...<...> по сути, современное отечественное образование и планируется, и организуется как неполноценное, для чего и вводятся всевозможные новации, вступающие в очередное противоречие с историческими и культурными ценностями» [3, с. 5]. Все «это обуславливает отсутствие внимания к творческим аспектам развития личности..., а также стандартизирует сам процесс получения знаний, во многом ограничивая мобильность обучающихся в выборе образовательных путей» [17, с. 144].

Все процессы социализации у нас также рассчитаны на получение «удобного» продукта – послушного, управляемого гражданина. Многие «метры»

педагогики под образованием понимают именно такую социализацию. А на «выходе» получается гражданин без гражданского общества, ибо гражданское общество само по себе защищает и оберегает, по М.К. Мамардашвили, нечто человеческое и человеческое, не зависящее от самого человека. Это честь и совесть, как внутренний глас Божий. Нечто бытийное, которое всегда «здесь и сейчас» [13]. Отсутствие всего этого, порождает, например, насилие среди учащихся в школе. Сегодня по центральному телевидению транслируют шоу-передачи, демонстрирующие всевозможные сцены произвола среди учащихся по отношению друг к другу. В настоящее время социализировать ребенка, учащегося в такой социальной среде, по меньшей мере, опасно, а понимать под образованием существующую сейчас социализацию – преступно.

Так чего же мы ждем от образования? Где тот образ, по которому мы должны «формировать» хорошего человека – гражданина? И, наконец, что мы понимаем и должны понимать под образованием?

Без сопоставления и сочетания рационального, то есть всего того, что относится к разуму, рациональной познавательной деятельности, обоснованности, целесообразности, полезности и основательности, с иррациональным, то есть всем тем, что необъяснимо с точки зрения рационального, невозможно прийти к сущностному пониманию проблем профессионального образования, как, впрочем, и проблем социализации современного человека в целом. Слишком много таинственного, многозначного, одним словом – иррационального в самом слове «образование». Не меньше завуалированности, неопределенности заключено и в слове «профессиональное».

Вполне возможно, что во многих случаях реальной жизни, нам следует «отказаться» от таких слов-выражений, как «противопоставление» или «противоположность». У нас, кстати, не столько утвердилось, сколько вошло в обиход, а может быть и в дурную привычку, механистичное выражение: «противоположности совпадают». Это следствие механического заучивания и повторение законов диалектики на школьно-вузовском уровне (закона единства и борьбы противоположностей...). А если борьба уничтожает красоту, гармонию? Поэтому

возможно необходимо допущение того, что факт противопоставления или противоположности – это и есть начало взаимообусловленности и взаимоперехода, взаимопроникновения и дополнения, сочетание рационального и иррационального. Игнорирование одной из сторон жизни уничтожает красоту и гармонию. Таким образом, в рациональном, важно уметь «видеть» элементы иррационального, а в иррациональном элементы рационального. Так, читая труды богословов-исследователей, начинаешь понимать, что благодаря человеку вечность присутствует во времени. Сам человек является границей мира духовного и материального и в самом человеке много таинственного и иррационального [11, с. 290].

Естественно, что рациональное, научное необходимо, чтобы ориентироваться в нашем материальном мире. Но, чтобы понимать все это материальное – необходимо интуитивное «прочувствование» религиозного, духовного, иррационального [6; 18]. Здесь для более полного и глубокого прочувствования вышесказанного, необходимо упомянуть простые и чрезвычайно глубокие мысли одной безымянной, по крайней мере, неизвестной для автора данной статьи, актрисы. Она рассуждает следующим образом: «А для чего «ребенку» в утробе матери ручки, ножки? Они ведь там ему мешают, неудобства вызывают. – А затем, чтобы после рождения приспособливаться в мире материальном. – Но, а вот зачем в материальном мире человеку совесть, душа и духовное? Они ведь мешают, вызывают определенные мучения, болят. – А затем, что они крайне необходимы в мире ином, по ту сторону нашего материального мира».

В современном мире многое и многими все и вся пересматривается и переосмысливается. Человечество пытается высвободиться от темного бессознательного, выйти на уровень сознания. И современная философия идет по такому направлению мышления. Это довольно убедительно прослеживается в словах гениального мыслителя Карена Свясьяна: философия есть «<...> мир ставший сознанием... мир уже не столько как процесс, эволюция в традиционном смысле слова, но и как понимания себя в качестве процесса и эволюции. Вещь и мысль о вещи – обе находятся в мире и суть мир: только один раз это чувственно воспринимаемый внешний мир, другой раз сверхчувственное понятие и сущность

чувственно-воспринимаемого. Эволюционная теория в широком смысле различает ступени развития мира от неорганических веществ до человека. Но почему-то она застревает на человеке. На деле она, только уже не биологически, а пневматологически, что значит: путь ведет не от человека к биологически более высокому типу (вроде «сверхчеловека», понятого по Дарвину), а от минерального, растительного и животного в человеке к собственно человеческому в нем, к способности мыслить, в которой он и начинается впервые как человек» [19, с. 130].

Что, или кто и где это собственно человеческое? Можно ли его, это собственно человеческое «формировать», как обычно у нас в педагогике и в философии любят говорить, когда речь касается учебно-воспитательной работы? Почему-то все и вся «формируется», причем «формируется» без содержания. Если есть содержание, нужно ли какое-либо формирование со стороны? Где этот образ? Может пневматологическое по-рождение (душевно-духовное рождение)? Зачастую у нас и образование есть формирование. Кстати, возможно и неплохой вариант, если понимать это как по-рождение (душевно-духовное рождение). Для однобокой иллюстрации материализма мы вспоминаем ту самую обезьяну, которая «сообразила» как при помощи палки достать нужный ей фрукт. Здесь интересно другое – будет ли это животное искать палку, если ее не будет рядом? Будет у этого животного пневматологическое по-рождение...? Конечно, учение И.П. Павлова об условном рефлексе нас ориентирует к тому, что и в человеке очень много собачьего (животного). Поэтому, очевидно, и философ пытается нас вразумить о некоем направлении от животного начала в человеке к собственно человеческому. От животного (потребительского) к собственно человеческому – мыслительному (к душевно-духовному в том числе).

Сущий образовательный процесс в индивидуально-личностном аспекте (в широком понимании этого выражения) всегда сам организывает человека (его животное и растительное начало) в направлении к собственно человеческому, подлинному, существу человеку. Не мы организуем, «формируем» образовательный процесс, а он нас формирует, организывает и направляет к собственно

человеческому. Пока мое сознание не станет пониманием себя в качестве процесса и эволюции, вряд ли можно говорить, о подлинном, сущем в образовании.

В нашем, так называемом образовательном процессе, где его составляющими являются обучение и воспитание, зачастую не задумываясь говорят, что обучение должно быть не субъектно-объектным, а только субъектно-субъектным. В действительности же, как бы мы не хотели, но оно никаким другим, кроме как субъектно-субъектным быть и не может. Невольно вспоминается: «Я и Другой, осознавая сходство в основах функционирования своих психофизических реальностей, коррелируют в рамках свойства «инаковости» по отношению к друг другу в виду постоянно сопутствующего этому отношению пласта смысловых данных, сохраняющихся за каждым из субъектов в индивидуальности» [16, с. 172]. Выше мы говорили о взаимообусловленности, взаимопереходе, взаимопроникновении и взаимодополнении и это диалектическое, и ориентирует «желаемое» субъектно-объектное обучение и воспитание (также образование) только в субъектно-субъектное, если, конечно, обучающий и воспитывающий будет мыслящим миром. Тогда мыслящие миры – учитель и ученик будут взаимодополнять в чем-то друг друга. Учащийся, он ведь «сопротивляется», говорит: «Я сам»! Задает множество вопросов, а значит «осознает» себя миром мыслящим. Каким же, может быть в этом случае образовательный процесс? Процесс этот онтологический и никакого другого обоснования этому процессу быть не может, кроме как онтолого-гносеологического. В индивидуально-мыслительном плане здесь два уровня бытия: индивид и личность. Более того, здесь доминирует только личностное, а все образование, в том числе и профессиональное – личностно. К тому же само знание – всегда личностно. Более того, «знание есть знание сущности ...<...> есть нечто возникающее и функционирующее в процессе умопостижения, осуществляемого в рамках живого диалога [15, с. 32]...<...> знание конкретного человека может быть записано в книгах или в статьях, но пока оно не прочитано и не усвоено другим конкретным человеком, оно остается лишь в той или иной степени организованной суммой знаков, смысл которым может придать лишь человек [15, с. 46]...<...> Без понимания нет знания. Знать –

значит понимать! Обретение знания (процесс понимания) носит... сугубо личностный характер» [15, с. 52].

Совершенно не случайно богословы-исследователи говорят о божественности, когда речь идет о познавательной деятельности. Познавательная деятельность божественна – значит она личностна, оригинально-неповторима. В этом также заключается профессионализм образования.

Образовательный процесс, само образование – это нечто целостно-сущее, постоянно становящийся мир сознания – образа, объектом которого является сам человек, это процесс взаимообусловленности, взаимопроникновения, взаимоперехода и взаимодополнения друг друга сторонами единого мира в человеке – духовного (горнего) и материального (дольнего).

«То, что мы называем внутренним миром, субъективностью, есть не противоположность мира, а сам мир в дальнейшей своей эволюции, говорит К. Свастьян. – Внутренний мир человека, его мысли, чувства, ощущения совершаются во Вселенной и принадлежат Вселенной ничуть не в меньшей степени, чем внешний мир... <...> Экологи и так называемые зеленые призывают спасти природу от загрязнения веществами. Но спасти ее следует, прежде всего, от загрязнения мыслями. Ибо (еще раз) мысль о факте сама есть факт, не менее фактический и реальный, чем то, что мы щупаем, нюхаем и хватаем руками» [19, с. 130].

Осознание этого приводит и к тому, что у нас пока нет в человеке чувства границы рационального и иррационального – горнего (духовного) и дольнего (материального) как единого в мире человека, ибо нет, как очевидно, движения к собственно человеческому. Человек – мир, загрязненный различными «мыслями». Он находится под влиянием диктатуры накопления и потребления, в том числе и в сфере образования. Поэтому «суть образования не в наполнении, а в очищении, снятии наносного, случайного в реставрации истинного, глубинного в человеке» [20, с. 21]. В православии, к примеру, под реставрацией истинного, глубинного в человеке понимается возвращение состояния природы человека до грехопадения в раю. В человеке нет ничего плохого, поскольку он сотворен по образу и подобию Творца. Все плохое в человеке – это измененное состояние

природы человека. Очевидно, что образование должно помочь человеку вернуться в прежнее состояние природы.

Образование – откровение себя в себе, бытийного, онтологического своего «Я». Вокруг человеческого «Я», его личности много недоразумений. Кстати, современные психологи перестали заниматься проблемами души и предметом исследования выбрали личность. Однако, в личности не меньше тайн и много неопределенного. И душа и личность бытийны. В соотношении таких понятий как «человек», «индивид», «индивидуальность» и «личность» много темного и неясного. Здесь не может быть четкой разграниченности. В разных культурах и конфессиях по-разному подходят к этой проблеме.

Традиционно, на школьно-вузовском уровне заявляют, что личность – это социальная сущность человека. Между тем, знаменитый ученый с мировым именем Н. П. Бехтерева говорит, что личность может реализоваться «вне зависимости от социальных условий». Личность, именно личность может противостоять сложностям жизни [4, с. 41]. По В.А. Петровскому личность, личностное «определяется значимостью его для других людей, и в частности, продолжительностью его Я в других. Без жизни в других нет личности» [18, с. 498]. Далее, по утверждению психолога «географически ваша личность может быть расположена вне вас, за пределами вашего физического бытия. Где именно? Есть люди, для которых мы значимы. Мы в них производим большие перестройки. Наш образ в их сознании – не просто старая фотография, которая пылится в задних отсеках памяти. Наш образ там действует!» [18, с. 499–500].

Что это значит? А может быть это образ Творца в нас там таинственно действует? О том, что «географически» личность расположена вне нас утверждается в православном богословии и катехизисе. Например, преподаватель Православного Свято-Тихоновского Богословского университета Олег Давыденков утверждает, что «человек состоит из тела, души, духа, однако человеческая личность этим природным составом не исчерпывается. То есть человек живет через свое тело, через свою душу, свой дух, но сама личность его находится за их пределами. Если человек как личность находится за пределами этого мира, то Сын

Божий, тоже как личность, может в этот мир войти» [7, с. 36]. Действительно, если бы личность не была вне нас, то Христос не мог бы воплотиться, а после смерти на кресте, затем воскреснуть.

Образ Божий в человеке – это и есть его личность. Быть самим собой – это значит выявить в себе тот образ, который от Творца. Слишком рискованно и неустойчиво, когда за идеал берется образ конкретного человека. Каждый человек со своей личной персоной (маской) от латинского или со своей харей (лицом, личиной) от церковнославянского. Когда мое подлинное «Я», моя личность – образ Божий – действует на человека несколько надежно и умиротворенно. Все остальное, как нам кажется, – игра в жизнь. Возможно, этим объясняется многогранность этого понятия. Зачастую «мы считаем личностью человека, обладающего особыми, вызывающими уважение свойствами – сильная личность, авторитетная личность, но в античные времена понятие «личность» имело более широкий смысл, подразумевая совокупность тела, внешности человека и его душевных свойств, без какой-либо определенной оценки. Человек всегда находится в состоянии развития, становления, в поиске своего неповторимого...» [10, с. 11].

Человек несамодостаточен, поэтому стремится к совершенству и развитию. Когда я сам с собой и в образе Божиим, это совсем другое дело. «Человек ценен только в Боге», – говорят богословы. Когда «Я» – образ Божий и в каждом из нас Его образ, то это доказательство не только нашей оригинальности, неповторимости, но так же божественной самодостаточности. Еще в IV веке Авва Дорофей образно утверждал: «Представьте себе круг, начертанный на земле, середина которого называется центром... предположите, что круг сей есть мир, а самый центр круга – Бог; радиусы же...идущие от окружности к центру, суть пути жизни человеческой. Итак, насколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг к другу...» [1]. Последнее предполагает возникновение нравственности, то есть божественности в личности. «Действительно, наше представление о человеческой личности как о чем-то «личностном» делаемым из каждого человеческого индивида существо «уникальное», совершенно ни с кем несравнимое и к

другим индивидуальностям несводимое – дало нам именно христианское богословие, – говорил В. Лосский. – Философия древнего мира знала только человеческие индивиды. Человеческая личность не может быть выражена понятиями <...> Личное может восприниматься в жизни только непосредственной интуицией или же передаваться каким-нибудь произведением искусства. Когда мы говорим: «Это – Моцарт», или «это – Рембрандт», то каждый раз оказываемся в той «сфере личного», которой нигде не найти эквивалента» [12, с. 129]. Совершенно не случайно утверждение классика органной музыки, великого И.С. Баха: «Цель любой музыки – прославление Бога и очищение человеческой души». Что значит прославление Бога? Это прославление Бога мы можем воспринимать только и непосредственно интуицией, через глубоко личностное, оригинальное и иррациональное в нас самих. И.С. Бах прославляет Бога в своей музыке за идеи, данные Им ему. За то, что эти божественные идеи в звуках творят И.С. Баха как образа Божия, выявляют и совершенствуют в композиторе личностно-божественное. «Вся моя музыка – это мое общение с Богом», – говорил великий композитор. В общении личностей рождается все простое великое. Общение личностей – величественно. Возьмите самые простые двухголосные и трехголосные инвенции (симфонии) И.С. Баха, не говоря уже о знаменитом хорошо темперированном clavире, во всех этих произведениях – определены «темы», которые можно и нужно назвать «темами-личностями». Все эти произведения – это собеседование (общение) «тем-личностей» – мудрецов – личностей между собой. Как бы ни разрабатывались эти темы («темы-личности»), переходя в инверсию, контрапункты и так далее и тому подобное, они не теряются, не теряют своего таинственного – «личностного». В разработке они всегда «здесь и сейчас», звучат и присутствуют, не смешиваясь и не путаясь, ибо несут в себе нечто бытийное, что словами не передать, и понять можно только интуитивно-лично.

Вот где оно истинно профессиональное (лично-неповторимое) не допускающее никакого ремесленничества. Это личностное не только у И.С. Баха, оно присутствует в других великих в виде неких «тем-личностей», но у каждого и в каждом произведении в оригинально-принципиально юнгеанском смысле.

Они принципиальны. «Принцип происходит от *prīus*, от того, что было раньше того, что лежит в начале. Последним мыслимым *prīncīpium* является Бог», – говорил К.Г. Юнг [2, с. 101].

Вот откуда оно профессиональное в образовании. В искусстве! Не случайно и в Античности, и в Средневековье наравне с такими предметами-науками как грамматика, риторика, диалектика, математика, геометрия, астрономия достойное место занимала музыка. Без музыки не было никакого образования в широком понимании этого слова. Эти семь наук в Средневековье назывались свободными, а в Византии их именовали как «седемоступенное художество мудрости».

К сожалению, у нас образование становится все более виртуальным и без всяких художеств мудрости. В целом же следовало бы говорить о профессиональной подготовке в классическом образовании. Профессионализм может прийти и раньше, и позже диплома об образовании. В наше время профессионализм присутствует в системе искусства – музыкальных, театральных и тому подобных образовательных учреждениях, а также в системах несветского и негражданского образования. Кстати, сегодня «наиболее влиятельными становятся такие новые субъекты образовательного взаимодействия, как многообразные бизнес-структуры...особенностью таких...бизнес-структур является сочетание в них трех составляющих современной социокультурной реальности: образования, бизнеса и науки» [14, с. 2917].

Профессионализм, строго говоря, – это штучный «товар». Ремесленничество – массовое тиражирование. Теперь же у нас и того, и другого можно сказать нет. Современное педагогическое образование превратилось в виртуально-массовое со многими аксессуарами, но без ребенка, без личности. Сегодня важно количество, а не качество. Сегодня ценнее бюрократическое бумаготворчество, чем личность учителя, преподавателя, ребенка, учащегося, студента. Кстати сказать, о студентах, как правило, у нас говорят довольно странно, как о «будущих учителях». Кто это будущий учитель? Студент от латинского – активно добывающий и поглощающий знания. Студент может и не быть после окончания вуза учителем. Более того, он может даже и не думать об этом. Учась в вузе, он может

просто «удовлетворять» корыстные амбиции своих родителей. Нужно получить высшее образование. Неважно какое, пусть даже педагогическое. Словом мы не истину ищем, а, следуя идеалам западного конформизма, приспособляемся к той, или иной накопительно-потребительской социальной сфере. Мы желаем всего и вся, но без священного в душе, без образа Божьего, без личности и, наконец, без учета целостности мира в человеке, в сочетании и сопоставлении, взаимопереходящих, взаимодополняющих сторон – духовного и материального.

Если проникнуться в глубину профессионального образования именно через словосочетание «профессиональное» и «образование», то интуитивно приходишь к некоторой тайне бытия. Это взаимодействующие и взаимодополняющие уровни единого бытия. Здесь и там – в профессионализме и в образовании присутствует тайна бытия личности. Она (тайна бытия личности) наличествует и в опыте церкви (в фактах Предания), и в богословии, и в философии, и в психологии. «Уже само слово «образование», если в него вслушаться, наполнено богословским смыслом. Если в романских языках для обозначения «образования» возобладали слова, восходящие к латинским «вести», или «питать – воспитывать», в германских же «составлять, формировать», то в русском, как и в греческом языке Нового Завета, – слово «образование» восходит к понятию «образ». Образование – не что иное, как приведение в соответствие с заданным образом», – говорит игумен Иоанн Экономцев, ректор Российского православного университета [9, с. 12].

По мнению многих светских исследователей, образование – сфера общекультурная. «Образование, прежде всего, – сфера историко-культурная, онтологически связанная со всей целостностью национального бытия... В самом деле, именно образование – гарантия сохранения национальной и духовной самобытности...культуры, святынь», – говорит профессор Е. Белозерцев [3, с. 3]. Это целостное национальное (национально-российское) бытие должно пониматься как целостное российское бытие со множеством составляющих эту целостность – этносов России во главе с русским этносом. Современное образование должно формировать целостное российское национальное гражданское общество.

Национальное в России – это именно российское, а не отдельно взятое русское. Общенациональным – российским достижением, Россия обязана всем этносам, составляющим эту целостность. Это должно не только отражаться, но и защищаться в российском классическом образовании, потому что «в основе образования лежит взаимодействие, общение, сотрудничество множества «Я», ведущим среди которых является «Я» старшего и младшего, учащего и учащегося. ...Уникальность образования в том то и состоит, что по самой своей сущности оно – соборно» [3, с. 5].

Образование – соборно, а значит и онтологично и в светском, и конфессиональных аспектах. Естественно, оно должно учитывать общечеловеческое, суперэтническое «Я» – русское и множество других этнических «Я». Это должно быть со всеми взаимодополнениями, взаимопереходами, взаимопроникновениями множества «Я» в друг друга «неслиянно и нераздельно», как говорят в богословии. Как бытие, суперэтническое «Я» – самодостаточное, гармоничное явление.

Подлинный образовательный процесс – это свободный процесс, а значит и личностный. Без понимания свободы в личностную проблему не проникнуть. Свобода и личность – две взаимообусловленные, взаимодополняющие, взаимопереходящие и проникающие в друг друга целостности единого бытия.

Образование должно быть классическим. Именно «классическое» должно разграничивать степень профессионализма от ремесленничества.

Университеты должны делать упор на классицизм и образцовость – внутренне и содержательно выглядеть друг перед другом уникально-неповторимо – «лично».

Список литературы

1. Авва Дорофей. Душеполезные поучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=120410&p=1> (дата обращения: 23.08.2022).
2. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хфббэн; сост. В.В. Зеленский, А.М. Рудкевич. – М.: Мартис, 1995. – 320 с.

3. Белозерцев Е.П. Заметки участника десятого Всемирного русского народного собора / Е.П. Белозерцев // Вестник высшей школы. – 2006. – №9. – С. 3–7.
4. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни / Н.П. Бехтерева. – Доп. изд. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. – 383 с.
5. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С.И. Гессен. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
6. Джуссани Л. Религиозное чувство / Л. Джуссани. – М.: Христианская Россия, 2000. – 193 с.
7. Диакон Олег Давыденков. Катехизис: Курс лекций / О. Давыденков. – М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1994. – 53 с.
8. Его Святейшество Далай-Лама. Этика в новом тысячелетии / Далай-Лама; пер. с англ. – М.: София, 2004. – 336 с.
9. Игумен Иоан Экономцев. Принципы православного образования / И. Экономцев // Православная беседа. – 1995. – №1. – С. 12–15.
10. Кнорринг В.И. Искусство управления: учебник / В.И. Кнорринг. – М.: Изд-во БЭК, 1997. – 288 с.
11. Лосский В.Н. Догматическое богословие / В.Н. Лосский // Мистическое богословие: сборник. – Киев: Путь к Истине, 1991. – С. 261–335.
12. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви / В.Н. Лосский // Мистическое богословие: сборник. – К.: Путь к Истине, 1991. – С. 95–260.
13. Мамардашвили М.К. Философские чтения / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 832 с.
14. Петров М.А. Проблема субъектов в глобальном образовании: особенности взаимоотношений в контексте новейших информационных технологий / М.А. Петров // Профессиональное образование в современном мире. – 2019. – Т. 9, №3. – С. 2909–2919.
15. Петров М.А. Феномен информации и знание: монография / М.А. Петров. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2006. – 135 с.
16. Петров М.А. Интерсубъективность как субстанциональная основа

социальной коммуникации / М.А. Петров, А.В. Голдаева // *Философия образования*. – 2021. – Т. 21, №4. – С. 165–176.

17. Петров М.А. Образовательный процесс в контексте социально-информационной реальности / М.А. Петров, А.В. Голдаева // *Философия образования*. – 2021. – Т. 21, №2. – С.140–156.

18. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъективности / В.А. Петровский. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 512 с.

19. Прививка от невегласия. Интервью с К. Свасьяном // *Эксперт: Академические беседы: от кварка до человека*. – 2008. – №5. – С. 128–133.

20. Сенько Ю.В. Гуманитарные основы педагогического образования: курс лекций: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Ю.В. Сенько. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 240 с.